

Георгий Почепцов

ВОЙНЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Харьков
«Фолио»
2020

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

ВВЕДЕНИЕ

Наше время характеризуется тем, что мир меняется быстрее. Наверное, «Конец истории» Ф. Фукуямы можно отнести к миру до интернета — после появления интернета и соцмедиа началась новая история мира. Это отражает серьезную зависимость современного мира от способов хранения и передачи информации. Все новые технические гиганты — Фейсбук, Гугл и др. — выросли именно в этом пространстве. Сегодня они занимают мозги всего мира так, как когда-то это делал космос, а до него — атом. Весь интеллект брошен именно туда. Силиконовая долина заменила атомный и космический проекты.

Отсюда внимание военных к информационным, гибридным и другим войнам, позволяющим работать с разумом противника. Например, «зеленые человечки» меняли представление в массовом сознании с военных действий на мирные. Гибридная война работает в пространстве между войной и миром, поэтому ее не так легко распознать.

* * *

Автор выражает признательность сайтам *«Детектор медиа»*, *«Хвиля»* и газете *«Зеркало недели»* за публикацию отдельных материалов книги.

Глава первая

ОТКУДА ПРИХОДЯТ НОВЫЕ ВОЙНЫ

Новые войны идут в наступление

Войны на глазах меняют свои основные параметры. Государства влияют друг на друга торговыми, финансовыми и экономическими войнами, вырываются вперед в развитии, оставляя другим роль своих сырьевых поставщиков. В случае гибридных войн государства иногда прячутся за спинами частных военных компаний.

Войны начинают иметь обязательную гуманитарную составляющую, когда военные цели заметно и незаметно переходят в гуманитарные. Армии перестали опираться на кинетическое оружие, уходя в сторону от своих и чужих смертей, поскольку на это плохо смотрит население.

Замороженные конфликты не уходят, а только добавляются. Замороженный конфликт можно определить как такую военную ситуацию, которую не могут или не хотят завершить. В ней заложено противоречие между военными и политическими целями, когда они начинают спорить между собой. Кстати, Донбасс очень четко фиксирует подобного рода противоречия. Здесь не смогли адекватно перевести военные цели в политические, а политические — в военные.

Понять инструментарий военных и политических целей нам поможет мнение одного французского философа войны, который отрицал американский тип войны и американскую стратеги-

ческую культуру, поскольку, по его мнению, американцы смешивают войну с технологической дуэлью [1]. Эта фетишизация технологии, характерная для США, мешает понимать фундаментальную политическую суть конфликтов — считает Винсент Депорт (Vincent Desportes), отставной генерал французской армии, который борется против американизации французской армии (см. о нем [2]).

В своем интервью в *Small Wars Journal* Депорт говорит, что часто войска сначала посылают, и только потом определяется их конечная цель [3]. Он конкретизирует это следующим способом: *«Военная цель является неизбежно конкретной, поскольку военные знают только то, как делаются конкретные вещи, в то же время политическая цель может быть более социальной или политической. Можно взять конкретный пример войны в Ираке 2003 года, где политической целью была „смена режима“ в хорошем смысле, но это не было военной целью. Поскольку это не было военной целью, возникли затруднения. Военные перевели это в „падение Багдада“. Но мы вскоре поняли, что падение Багдада не равняется смене режима».*

Кстати, он утверждает, что эти современные интервенции в отличие от колониализма не навязывают ни своей власти, ни своих ценностей, что на переход к другим ценностям вообще нужны столетия.

Какие принципиальные изменения формируют новый мир? Это — новый тип связности, поскольку и интернет, и соцмедиа, которые первыми приходят на ум, когда мы говорим о новом мире, как раз являются проявлением и порождением связности.

П. Ханна выдвигает идею перехода мира к мегагородам, которые в результате сделают государства второстепенными игроками [4]. Он говорит о новом типе геополитики, когда война за территории сменяется войной за связность. Соответственно, и экономика будет требовать от мегагородов вложений в развитие связности, так как экономики являются все более интегрированными, а население — более мобильным. Конфликты из-за связ-

ности он видит как менее опасные, чем конфликты за границы между странами.

Мы действительно видим сегодня то, что страны, включенные в международную связность, движутся быстрее и развиваются активнее. Китай таким путем нарастил свою мощь, выдвигаясь на первые позиции за счет связи с мировыми технологиями и производствами.

Ханна пишет: *«Карты коммуникаций лучше отражают геополитическую динамику между сверхдержавами, городами-государствами, не имеющими гражданства компаниями, а также всякого рода виртуальными сообществами в их борьбе за ресурсы, рынки и популярность. Мы вступаем в эпоху, когда города будут значить больше, чем государства, а цепочки поставок станут более важным источником власти, чем военная мощь, главной задачей которой будет защита цепочек поставок, а не границ. Конкурентоспособные коммуникации — гонка вооружений двадцать первого века»* [5].

Ханна уходит от той роли географических границ, которые и сегодня довлеют над миром. Он пишет: *«Географические особенности действительно важны, а вот границы — нет. Собственно географию, которая имеет огромное значение, не стоит путать с географией политической, которая является преходящей. К сожалению, нынешние карты представляют естественные и политические границы в виде постоянных препятствий. Однако мало, что так ограничивает разум, как упорно возникающий „замкнутый круг“: „нечто должно существовать, поскольку оно уже существует“. Чтение по карте — не то же самое, что чтение по руке, когда каждая линия воспринимается как знак неизбежной судьбы. Я искренне верю в сильное влияние географических различий, но являюсь противником изображения географии как монолитной и непреодолимой силы. География, возможно, одна из фундаментальных видимых нам вещей, однако для понимания причинно-следственной цепочки событий необходимо активно размышлять над взаимодей-*

ствиями демографических и политических сил, а также экологических и технологических показателей».

Можно сказать, что он видит в будущем превращение человечества в одно многонациональное государство. И по сути, ЕС является таким примером, когда роль границ оказывается заниженной.

У него есть также красивая фраза о мировой революции коммуникаций: *«Мы уже создали гораздо больше соединяющих людей линий, чем тех, которые их разъединяют».* Тут он прав, так как все три пространства — физическое, информационное и виртуальное — реально работают на замену локального интернациональным, что получило название глобализации. И сопротивление возникло только в случае ряда мусульманских стран по той причине, что у них религия и государство — единый организм.

Исходя из своей модели, он видит движение каталонцев и курдов как прогрессивный уход автономий от центральной власти [6]. Он подчеркивает, что они хотят создавать свои собственные связи с миром.

В своей новой книге он говорит о возможном технократическом типе управления. Ханна видит это так: *«Инфогосударство использует как демократию, так и информацию для определения ключевых приоритетов граждан и реальности (экономической, образовательной, инфраструктурной). Государство использует комбинацию гражданина и информации для порождения политики, ее мониторинга, отслеживания обратной связи, анализа в реальном времени».*

Война также является делом государства. Одновременно многие военные достижения автоматически становятся гражданскими. Если вспомнить развитие авиации раньше или компьютеры и интернет из недавнего прошлого, то все они исходно были чисто военными изобретениями.

Войны и новые медиа в основном пересекаются в таких сферах:

- кибератаки и информационная безопасность;

- гибридные войны;
- поддержка населения.

Информационная безопасность и кибератаки стали приметой дня сегодняшнего, они же сохраняются как четкий тренд на будущее. И хотя эта сфера, которую можно обозначить как информационно-техническая, получила наибольшее распространение и поддержку на сегодня [8–10], интенсивное развитие и креативный характер кибератак будут делать ее опасной еще долгое время, тем более что она связана с самым уязвимым местом любой киберсистемы — человеческим фактором (см. некоторые работы по социальному инжинирингу [11–16]). США, например, отдают приоритет в области защиты таким объектам, как электросети, сети Интернет и Пентагон.

К тому же в этой сфере есть интерес военных к гражданским целям. Можно привести нашумевшие примеры последнего времени типа российского вмешательства в выборы Трампа или Макрона, парламентские выборы в Германии, референдумы в Британии и Каталонии [17–25]. На сегодня все это — «тренинги», поскольку реальные последствия не оказываются такими серьезными, но все равно одни военные разрабатывают атаки, в то время как другие пытаются им противостоять.

Даже Мексика уже стала таким объектом для вмешательства в выборы извне. На мексиканскую тему прозвучали слова советника президента Трампа по национальной безопасности генерала Г. Макмастера, где он сформулировал суть этого типа интервенции: *«Мы уже видели, что это реально сложная попытка поляризовать демократические общества и группы внутри этих обществ друг против друга»* [26]. Он также говорит о России: *«...они используют современный инструментарий, киберсредства и социальные медиа. Мы собираемся противостоять этому дестабилизирующему поведению»* ([27], см. также анализ его представлений о современном мире [28] и одну из работ, на него повлиявших [29], в которой делается попытка ответить на вопрос: почему произошла Первая мировая война).

Гибридные войны и их успех базируются на медийной победе. Первый период Крыма показал, что российская интерпретация событий победила любую другую — как украинскую, так и международную. Российские солдаты были в военной форме, но без знаков отличия. Отсутствие выстрелов сделало ситуацию безопасной для населения, что создавало хорошую телевизионную картинку. Донбасс, а затем Одесса и Харьков моделировались уже картинкой народного восстания, но тут уже были выстрелы и появление вооруженных сил Украины, что создало совершенно иную интерпретацию, чем та, что была в Крыму.

Известно, что война серьезно зависит от поддержки населения. Современные социальные сети дают совершенно новый арсенал для организации такой поддержки, для оценки динамики изменений, которую проходит в этот период массовое сознание. Выборы демонстрируют уже в который раз значимость микро-таргетинга как способа достучаться до любого отдельного избирателя через социальные сети. В выборах Трампа, например, проигрывались 40–50 тыс. вариантов обращений к избирателям в один день.

Мы видим, что современные медиа типа соцсетей выдвигают на все более важные позиции в управлении массовым сознанием. Первым это понял бизнес, за ним — политтехнологи, после них — военные. И это понятно, поскольку сегодня нет другого механизма подобного типа, позволяющего синхронно охватывать миллионы людей в комфортной для них информационной среде.

Из последних новинок — Китай обвиняют в занятии нового пространства войны, в рамках которого он уделяет усиленное внимание биотехнологиям и генетическому инжинирингу, создавая новое пересечение гражданской науки и военной. Искусственный интеллект начинает активно использоваться в биоинжиниринге [30].

С. Переслегин, признав проигрыш СССР в третьей мировой войне, также прогнозирует новые пространства четвертой мировой войны, говоря: «*В новой войне будут сражаться даже не*

страны, а глобальные проекты: неоиндустриальный китайский, неотрадиционный арабский, американский, германо-кельтский (европейский), японский и русский. Столкновение проектов будет происходить по большей части в пространствах геокультуры и геоэкономики. Но возможны и военные действия. Они примут вид террористических актов, направленных исключительно на уничтожение мирного населения на территории европейского противника. И если важнейшие военные и промышленные объекты еще можно „прикрыть“ силовым „зонтиком“, можно обеспечить охраной политическое и военное руководство, то ни армия, ни спецназ, ни госбезопасность не в состоянии защитить все детские сады, школы, больницы и роддома. Как невозможно предотвратить и появление в ряде крупнейших международных аэропортов смертников, зараженных инфекцией с длительным инкубационным периодом» [31].

Мы видим, что военная ситуация повторяет ситуацию с терроризмом, делающим все новые и новые попытки обойти имеющуюся военную защиту теми силами, которые есть в его распоряжении и о которых никто не подумает как о военных.

Литература

1. Shurkin M. Meet France's war philosophers // warontherocks.com/2018/01/meet-frances-war-philosophers/.
2. Vincent Desportes // en.wikipedia.org/wiki/Vincent_Desportes.
3. SWJ Interview: General Vincent Desportes // smallwarsjournal.com/jrnl/art/swj-interview-general-vincent-desportes.
4. Khanna P. Connectography. Mapping the Global Network Revolution. — New York, 2016.
5. Ханна П. В чем зло современной цивилизации и что ее спасет // snob.ru/selected/entry/126385.
6. Khanna P. Catalans And Kurds Are At The Forefront Of True Local Democracy // www.huffingtonpost.com/entry/catalonia-kurdistan-referendum-democracy_us_59c916e0e4b01cc57ff3f069?g9.
7. Trinchi O. Another government is possible. Interview to Parag Khanna // eastwest.eu/en/culture/another-government-is-possible-interview-to-parag-khanna.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава первая. ОТКУДА ПРИХОДЯТ НОВЫЕ ВОЙНЫ.....	4
Новые войны идут в наступление	4
Элиты, граждане и коммуникации: о трех факторах развития страны	12
Пентагон и поколение Я	24
Меметическая война, или В поисках «арифметики» разума	35
От военно-промышленного и военно-развлекательного комплексов к военно-медийному	43
Глава вторая. КОНТЕКСТЫ НОВОЙ ВОЙНЫ	54
Далекое будущее, которое видят военные, правительства и корпорации	54
Проектировщики будущего: от войны к медиа	67
Боевые роботы наступают, или Автономия как новый военно-стратегический концепт	78

Из истории понятия гибридной войны в США и России. Мятежевойна	91
Нетрадиционные войны никогда не исчезнут	96
Глава третья. ГИБРИДНАЯ ВОЙНА — 1	109
Что скрывает гибридная война	109
Гибридная — не означает совершенно новый тип войны.	116
Гибридная война: когда население в центре	121
Пропаганда в обычной и гибридной войнах	129
«Каталонская спецоперация» как урок для Украины	142
Глава четвертая. ГИБРИДНАЯ ВОЙНА — 2	149
Сложность принятия решений в случае гибридной войны	149
Гибридно-информационная война: основные характеристики	161
Гибридно-информационная война и роль пропаганды и контрпропаганды	166
Гибридно-информационная война порождает гибридную действительность	174
Глава пятая. ОТ ВОЙНЫ ГИБРИДНОЙ К ВОЙНЕ ДИФFUЗНОЙ	183
Гибридная война в информационном и виртуальном пространствах.	183
Видеоигры в системе гибридной войны	199
Гибридная война в новых контекстах.	206
Фейки и другие гибридные коммуникации	216
Глава шестая. ДИФFUЗНЫЕ ВОЙНЫ	220
От войны гибридной к войне диффузной	220

Человеческое измерение гибридных и диффузных войн	232
Диффузная война с точки зрения теории нелинейных и нетрадиционных войн	241
Диффузная война как разорванная во времени единая операция	256
Инструментарий хаоса в гибридной и диффузной войнах	273
Глава седьмая. ОПЕРАЦИИ ВЛИЯНИЯ — 1	285
Операции влияния: современные представления военных и ученых	285
Форматирование социосистем с помощью операций влияния	298
Канадские и австралийские подходы к операциям влияния	308
Шоковые события, формирующие социосистемы, как операции влияния	318
Базовые мифологемы, формирующие мир, в систематике операций влияния	330
Глава восьмая. ОПЕРАЦИИ ВЛИЯНИЯ — 2	337
Анализ массового сознания для целей операций влияния: от социологов до спецслужб	337
Базовый характер операций влияния	351
Операции влияния вдали и вблизи	361
Операции влияния в модели терроризма	374
Китайский и российский подходы к операциям влияния	384
Глава девятая. СМЫСЛОВЫЕ ВОЙНЫ — 1	391
Смысловые войны в современном мире	391
Смысловые войны в политике и бизнесе	402

Смысловые и информационные войны: поиск различий	409
Смыслы: вчера, сегодня, завтра	418
Создание и удержание национальной идентичности в условиях смысловых войн.	428
Глава десятая. СМЫСЛОВЫЕ ВОЙНЫ — 2	439
Управление смыслами	439
Комплексные смысловые войны.	447
Медиавойны: от информационных до смысловых.	453
Медиакоммуникации как площадка для информационных и смысловых войн.	468
Как физические империи побеждают информационные, а информационные — виртуальные.	474
Глава одиннадцатая. СМЫСЛОВЫЕ ВОЙНЫ — 3	484
Смысловые войны в глобальном контексте XXI века.	484
Смыслы на войне и в миру	497
Ретрансляторы чужих смыслов	513
Операторы и конструкторы смыслов	524
Смыслы для будущего	539
Глава двенадцатая. БИХЕВИОРИСТСКИЕ ВОЙНЫ	549
От информационных войн к операциям влияния и бихевиористским войнам: новые тренды войны	549
Бихевиористские войны как новый этап развития методологии информационных войн	558
Бихевиористские интервенции: от мирного до военного использования	567

Конструирование информационных контекстов в целях бихевиористских войн.....	576
Переход от больших массивов данных к бихевиористскому инструментарю	585
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	597